

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

© 2004 г. В. В. Гриценко*, Н. Е. Шустова**

**Доктор психол. наук, зав кафедрой психологии
филиала Саратовского гос. ун-та им. Н.Г.Чернышевского, г.Балашиха*

***Кандидат социол. наук, доцент той же кафедры*

Представлены основные результаты исследования адаптации детей вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближайшего зарубежья в Саратовской области. Прослежена взаимосвязь уровня удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности наличной и перспективной адаптации. Проанализированы условия, способствующие вхождению детей российских переселенцев в новое сообщество. Дан сравнительный анализ социально-психологической адаптации детей коренных жителей и детей российских переселенцев.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, перспективная адаптация, удовлетворенность.

На протяжении последнего десятилетия в психологической науке значительное внимание уделяется проблеме социально-психологической адаптации мигрантов. Пристальный интерес профессионального сообщества к проблеме вхождения мигрантов в новый социум вполне объясним: политические, социально-экономические и этнодемографические изменения на постсоветском пространстве коренным образом отразились на положении русского населения во вновь образованных государствах.

Мигранты покидали нажитые места и устремлялись в новый социум, где им предстояло все начинать с “нуля”, убегая от агрессивного бытового национализма, дискриминации, беспредела по отношению к ним и их детям. Только при получении статуса вынужденных мигрантов люди могли рассчитывать на содействие государственных органов в своем обустройстве в установленном законодательством порядке. Однако и получение многообещающего статуса, как показывает статистика, не решало всех накопившихся проблем. Мигранты продолжали сталкиваться с множеством трудностей. В частности, с бюрократическими проволочками, которые не позволяли своевременно получить долгожданную поддержку.

Следовательно, вопрос о существенных позитивных изменениях в решении миграционных проблем на сегодняшний день остается открытым. Более того, он требует неотложного разрешения, поскольку с каждым годом доля тех, кому

оказываются различные виды социальной и психологической помощи, сокращается, а доля детей из категории социально незащищенных семей вынужденных мигрантов постоянно возрастает.

Если учесть, что в вынужденном миграционном потоке в России, приблизившемся за десять лет к уровню 8–9 млн. человек, дети и подростки составляют более четверти всех прибывших переселенцев, то становится очевидным: изучение социально-психологической адаптации данной категории молодого поколения – будущего нашей страны – является чрезвычайно актуальным.

В многочисленных исследованиях закономерностей миграции [1, 7, 9, 10, 13] подчеркивается, что миграционные процессы приводят к возникновению комплекса “детских” проблем, которые характеризуются определенной спецификой и требуют детального и безотлагательного рассмотрения. Важнейшими из них являются:

- психологические стрессы, связанные с вынужденной сменой места жительства и нарушением структуры привычных культурно-коммуникативных, родственно-семейных, природно-территориальных и других связей;
- трудности вживания в новую для ребенка среду общения и как следствие нередко возникающие состояния отчужденности и отверженности, тревожности и агрессивности;
- адаптация прибывающих детей к российской системе среднего, среднеспециального и высшего образования, отсутствие необходимых условий для их интеграции и др.

В этой связи понятным и обоснованным представляется стремление исследовать эти и другие

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке Конкурсного центра фундаментального естествознания Минобрнауки России. (Грант: PD 02-3. 16–8.)

проблемы. Основной *целью* для нас стало изучение закономерностей социально-психологической адаптации детей мигрантов в регионах их нового проживания, определение путей и способов создания условий для их интеграции в новый социум.

Рассмотрим, каковы же закономерности миграции, с какими трудностями приходится сталкиваться детям переселенцев, как осуществляется их интеграция в новую социальную среду, каковы закономерности адаптационного процесса.

Встреча с новой культурой, как правило, сопровождается глубоким психологическим потрясением – “культурным шоком”, основными характеристиками которого являются: напряжение, связанное с усилиями, необходимыми для дальнейшей социально-психологической адаптации; чувство лишения, возникающее из-за потери привычного образа жизни, друзей, статуса и работы; чувство отверженности представителями новой культуры или отвержения их; сбой в социальных ролях и ролевых ожиданиях; путаница в ценностных ориентациях и самоидентификации; тревога, возникающая в результате осознания культурных различий; чувство неполноценности от неспособности “совладать” с новой средой [12]. Следовательно, в новой социальной среде дети, как и взрослые переселенцы, сталкиваются с массой проблем, которые требуют своевременного решения.

Сравнивая характер вхождения в новый социум и адаптацию переселенцев и их детей, ряд исследователей [4, 7, 9 и др.] отмечают, что у последних он, как правило, менее болезнен. “Личность, переживающая активный процесс социализации, который приходится на период детства и юности, с большей эффективностью и легкостью преодолевает в себе образцы поведения и нормы, не соответствующие новым социокультурным рамкам, и более успешно усваивает новые социальные роли и ценностные ориентиры, нежели личность зрелая, устоявшаяся, лишившаяся достигнутых социальных статусов и находящаяся уже в стадии пассивной социализации, когда любые незначительные изменения в жизни воспринимаются личностью как кризис” [1, с. 104–105].

Однако, по свидетельствам тех же исследователей, и детям переселенцев приходится сталкиваться с многочисленными трудностями. Так, Г. Триандис отмечает, что маленькие дети адаптируются вполне успешно, но уже для школьников этот процесс часто оказывается мучительным, так как в классе они должны во всем походить на своих соучеников – и внешним видом, и манерами, и языком, и даже мыслями [13]. Более того, по свидетельствам самих переселенцев, груз пережитого дает о себе знать даже в тех случаях, когда речь идет о детях, бывших в момент изгнания малолетними.

Итак, несмотря на то, что дети мигрантов в отличие от родителей более терпимо относятся к ценностям принимающего сообщества и с большей легкостью перенимают их, им приходится долгое время балансировать между различными культурными традициями, прежней и новой системами ценностей.

Между тем наличие двойных личностных стандартов крайне негативно сказывается на формировании личности, что препятствует успешной адаптации детей в новом социуме, ведет к маргинализации [11]. У детей формируется ощущение собственной малоценности, появляются попытки компенсировать свою личностную несостоятельность. А так как выбор адекватных средств компенсации в этом возрасте весьма ограничен, то самоактуализация нередко реализуется через повышенную конфликтность и агрессию. Ребенку легче быть злым и агрессивным, чем быть не таким, как все [11]. В некоторых случаях возникающие противоречивые чувства (противоречивые образцы идентификации) могут привести и к нервно-психическим нарушениям. Иначе говоря, требования нового культурного окружения становятся тяжелым испытанием для детей.

Но даже в благоприятных на первый взгляд случаях, когда новое сообщество принимает детей переселенцев, они продолжают находиться в сложной психологической ситуации. Возвращаясь домой, дети погружаются в проблемы семьи: материальные трудности, неустроенность быта, стрессовое состояние родителей и т.п. В этой ситуации они начинают отличать себя от детей, имеющих полноценную (социально и психологически уравновешенную) семью и относительное благосостояние.

Все это активизирует механизмы самопринятия. Обостряющаяся потребность в обретении адекватной идентичности затрагивает представления о собственной телесной, психической и социальной организации. В этой ситуации дети стремятся (осознанно или бессознательно) найти “золотую середину” во взаимодействии с социальной средой, которая позволит построить оптимальные отношения с окружающими их людьми без потери своего “Я”.

В случае положительного разрешения проблемы идентичности у детей происходит осознание изменений, произошедших в собственной социально-психологической организации, формируется положительное отношение к новому образу “Я” и появляется новая стратегия взаимодействия с самим собой и окружающей реальностью. Постепенно возвращаются забытые ощущения гармонии с ближайшим окружением, психологического благополучия и чувство удовлетворенности жизнью.

Иначе говоря, важным условием эффективности адаптационного процесса детей мигрантов является максимальное удовлетворение актуальных потребностей, среди которых наибольшее значение приобретают следующие потребности: в материальном благополучии; в благоприятных условиях проживания; в получении знаний; в чувстве общности, принадлежности к определенной группе; в общении, хороших взаимоотношениях; в самореализации, возможности быть самим собой; в социально-психологической защищенности, уверенности в будущем.

Невозможность удовлетворить потребности привычным способом, отсутствие отлаженных механизмов интеграции в новый социум порождают у переселенцев тревогу и психическую напряженность, которые, в свою очередь, приводят к стрессу. Более того, ощущение невозможности их удовлетворения в будущем негативно сказывается на всем адаптационном процессе детей. "...Чем значимее потребность и чем меньше ее удовлетворение, причем не только наличное, но и в перспективе, тем ниже адаптация человека и хуже его жизнь" [5]. Следовательно, в целях составления целостной картины социально-психологической адаптации детей переселенцев представляется необходимым учет как наличного уровня удовлетворения актуальных потребностей, так и перспективы их удовлетворения в будущем.

Исходя из вышесказанного, в рамках нашего исследования адаптация рассматривалась как социально-психологический процесс установления соответствия между актуальными потребностями и уровнем их удовлетворения.

МЕТОДИКА

Исследование проводилось в Поволжском экономическом регионе, в частности в Саратовской области, отличающейся высокими показателями притока русских переселенцев из государств Центральноазиатского региона. Примерно 28% всех прибывших на территорию области, по данным официальной статистики, составляют дети и подростки до 15 лет.

Участниками нашего исследования стали 330 школьников в возрасте от 10 до 17 лет, из них 165 человек составляли дети российских переселенцев (экспериментальная группа) и столько же – дети коренных жителей (контрольная группа). Эти группы были выравнены по основным социально-демографическим характеристикам: полу, возрасту, типу поселения и национальной принадлежности.

Изучение социально-психологической адаптации детей переселенцев в новом социуме стало ключевым моментом исследования. С этой целью был составлен специальный опросник, включающий в себя ряд вопросов и заданий, нацеленных на

получение исчерпывающей и всесторонней информации по данной проблеме. В опросник наряду с вопросами, направленными на изучение особенностей взаимоотношения со сверстниками и показателей успеваемости в школе, были включены: ряд незаконченных предложений, утверждения на определение копинг-стратегий, парное сравнение противоположных по смыслу утверждений, модификация шкалы "Уровень социальной фрустрированности" Л.И. Вассермана [2] и графическое задание "Линия жизни" [8].

С помощью модифицированного варианта методики "Незаконченные предложения" мы изучали отношение детей к семье и окружающим их людям; к прошлому, настоящему и будущему. Кроме того, ряд незаконченных предложений был ориентирован на выявление характера "детских" приобретений и потерь за последние годы, а также тенденции к саморазвитию.

Оценивание 24 суждений по четырехбалльной шкале, характеризующей типичность поведения в преодолении трудностей, позволило определить преобладающую модель поведения детей в трудной жизненной ситуации: разрешение, поддержка, уход и их различные комбинации.

Благодаря парному сравнению противоположных по смыслу утверждений по семибалльной шкале мы выявляли отношение к настоящему месту жительства, готовность к его перемене и locus контроля.

Модифицированный вариант шкалы "Уровень социальной фрустрированности" Л.И. Вассермана позволил нам получить информацию об уровне удовлетворенности–неудовлетворенности детей по 8 шкалам: своим положением в классе, отношениями с друзьями, отношениями с родителями, материальным положением семьи, жилищно-бытовыми условиями, местом жительства, проведением досуга и образом жизни. Уровень удовлетворенности по каждой шкале оценивался следующим образом: 1 – полностью удовлетворен; 2 – скорее удовлетворен; 3 – затрудняюсь ответить; 4 – скорее не удовлетворен; 5 – полностью не удовлетворен.

Графическое задание "Линия жизни", в котором детям предлагалось изобразить свою жизнь (прошрое, настоящее и будущее) в виде линии, располагающейся либо над горизонтальной прямой (позитивный этап), либо ниже ее (трудные жизненные ситуации, стресс), либо на ней (спокойный, ровный период), отражало особенности восприятия ими своей жизни. По диапазону отклонений линии от "горизонта" определялось отношение детей к различным фазам своей жизни.

Таким образом, предложенный комплекс вопросов и заданий позволил нам определить особенности социально-психологической адаптации детей переселенцев в настоящее время и ее тенденцию; степень социально-психологической

Таблица 1. Удовлетворенность различными сторонами жизни детей переселенцев и детей коренных жителей

№	Показатели общей удовлетворенности жизнью	Среднее значение удовлетворенности		Значимость различий	
		дети переселенцев	дети коренных жителей	t-критерий	уровень значимости
	Общая удовлетворенность	2.18 ± 1.26*	2.03 ± 1.14*	3.216605*	0.000283*
	Удовлетворенность:				
1	положением в классе	2.18 ± 1.21*	1.72 ± 0.93*	3.88831*	0.000122*
2	материальным положением	2.32 ± 1.27	2.22 ± 1.15	0.72675	0.467897
3	жилищно-бытовыми условиями	2.39 ± 1.36*	2.10 ± 1.19*	2.07548*	0.038721*
4	отношениями с родителями	1.55 ± 0.96*	1.85 ± 1.06*	2.72220*	0.006832*
5	отношениями с друзьями	1.84 ± 1.02	1.67 ± 0.97	1.60481	0.109498
6	местом жительства	2.61 ± 1.44	2.32 ± 1.35	1.85602	0.064348
7	проведением досуга	2.35 ± 1.31	2.30 ± 1.20	0.35119	0.725668
8	образом жизни	2.20 ± 1.14	2.07 ± 1.04	1.11254	0.266723

* Отмечены значимые различия между двумя исследуемыми группами.

удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности; адаптивные стратегии поведения; факторы адаптации; локус контроля; отношение детей к настоящему месту жительства и возможности его перемены; а также изучить ценностные ориентации детей переселенцев.

Результаты эмпирического исследования обрабатывались методами описательной статистики. Достоверность различий между экспериментальной и контрольной группами респондентов определялась с помощью критерия согласия Пирсона (χ^2) или критерия Фишера (ϕ^*). Для выявления достоверных различий по средним величинам применялся критерий Стьюдента.

В дальнейшем данные исследования были подвергнуты корреляционному анализу в целях выявления связей между показателями удовлетворенности различными сторонами жизни и показателями успешности социально-психологической адаптации. Корреляционный анализ был выполнен методом линейной корреляции Спирмена.

Обработка результатов велась на РС с помощью программы Statistica.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенное интервьюирование позволило собрать большой объем материала по изучаемой проблеме. Однако в данной статье мы представим лишь часть результатов, раскрывающих общие закономерности интеграции детей переселенцев в новое сообщество. А именно: их удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности (социальную фрустрированность), отношение к настоящему месту жительства и особенности прогнозирования будущего (перспективность адаптации).

Прежде всего, необходимо отметить, что среднее значение общей удовлетворенности для груп-

пы детей переселенцев составило 2.18 ± 1.26 (для сравнения в группе детей коренных жителей Саратовской области оно равно 2.03 ± 1.14) (см. табл. 1), что свидетельствует о более высоком уровне общей неудовлетворенности жизнедеятельностью у детей переселенцев по сравнению с их сверстниками из числа коренного населения. (Напомним, что 1 балл соответствует самому высокому, а 5 баллов – самому низкому уровню удовлетворенности.)

Данные результаты, как оказалось, перекликаются с аналогичными результатами, полученными на выборке взрослого населения переселенцев, для которых также характерен более повышенный уровень социальной фрустрированности [3, с. 147–148].

Наряду с анализом общей неудовлетворенности уровнем жизни не менее интересным и информативным является анализ данных по конкретным шкалам. Заметим, что по всем шкалам (за исключением одной – “Отношения с родителями”) у переселенцев отмечается тенденция к повышению уровня неудовлетворенности, хотя эта тенденция не везде получила статистическое подтверждение (см. табл. 1).

Как видно из данных табл. 1, по трем шкалам (из восьми) существуют значимые различия (по t-критерию) между контрольной и экспериментальной группами. Так, по шкале “Удовлетворенность своим положением в классе” отмечается, что дети переселенцев менее удовлетворены положением в классе. Полученный результат нашел подтверждение также при интерпретации ответов детей на вопрос: “Верно ли, что большинство одноклассников не понимают тебя, относятся к тебе не так хорошо, как ты хотел бы?”. Дети переселенцев чаще давали утвердительный ответ ($\chi^2 = 10.18, p < 0.05$). По-видимому, процесс вхож-

дения детей переселенцев в новое сообщество сопряжен с рядом трудностей, которые остаются актуальными даже спустя какое-то время.

Дело в том, что “успешная социализация предполагает эффективную адаптацию человека в обществе, с одной стороны, а с другой – способность в определенной мере противостоять обществу, части тех жизненных коллизий, которые мешают его саморазвитию, самореализации, самоутверждению” [6, с. 34]. Иначе говоря, интеграция в новый социум – это не столько безоценочное принятие новых ценностей, сколько сохранение собственного “Я” при уважительном отношении к принимающей социальной среде.

Значимыми являются и различия по шкале “Удовлетворенность жилищно-бытовыми условиями”. Дети переселенцев менее удовлетворены данной сферой жизнедеятельности, причем с увеличением возраста респондентов данная тенденция проявляется более выражено ($\chi^2 = 28.38$, $p < 0.05$). Здесь может быть как объективная, так и субъективная основа большей неудовлетворенности своими жилищно-бытовыми условиями у переселенцев. С одной стороны, дети переселенцев воспринимают их как объективно худшие по сравнению с теми, в которых проживают их сверстники из числа коренного населения. А с другой стороны, они могут оценивать их как субъективно худшие по сравнению с теми, которые они имели до миграции, на прежнем месте жительства (значительная часть исследуемых нами детей проживала в крупных, часто столичных городах бывших союзных республик, для которых характерен иной, более урбанизированный уровень жизни, нежели в местах нынешнего проживания).

Учитывая данные по шкале “Удовлетворенность жилищно-бытовыми условиями”, для нас несколько неожиданными были результаты, полученные по шкале “Удовлетворенность материальным положением”. Мы не получили значимых различий между экспериментальной и контрольной группами. Видимо, при относительно устраивающем материальном доходе, позволяющем удовлетворять каждодневные потребности, не представляется возможным улучшить жилищно-бытовые условия. Переезд лишил людей всего, в том числе дома, мебели, а нередко и предметов первой необходимости. А приобрести то, что наживалось годами, – задача не из простых. На ее решение требуются время и силы.

Более того, в обеих группах проявилась общая закономерность: чем старше дети, тем они менее удовлетворены доходом семьи ($k_{эк} = 0.27$, $k_k = 0.24$; $p < 0.05$). Очевидно, с возрастом у них возникает свое отношение к внешним атрибутам жизни, что предполагает повышенную требова-

Таблица 2. Оценка детьми своей семьи

Оценка	Дети переселенцев		Дети коренных жителей	
	количество	%	количество	%
Позитивная	115	69.7	96	58.2
Нейтральная	42	25.5	61	37.0
Негативная	8	4.8	8	4.8
Итого	165	100.0	165	100.0

тельность к материальному благополучию. Кроме того, в подростковом и юношеском возрасте дети более адекватно начинают оценивать значимость не денег вообще, а их количества и тех благ, которые становятся доступными благодаря им.

Еще одна шкала, по которой получены статистически значимые различия, – “Удовлетворенность отношениями с родителями”. Здесь проявилась иная тенденция: дети переселенцев более удовлетворены данной сферой жизнедеятельности по сравнению с детьми коренных жителей. Подтверждение расхождений по оценке детско-родительских отношений мы обнаружили и при анализе незаконченных предложений. Продолжая фразу “По сравнению с большинством других семей моя семья...”, дети переселенцев чаще давали позитивные ответы (самая лучшая, счастливая, дружная, понимающая и т.п.) (см. табл. 2). Причины подобного восприятия семьи мы отчасти объясняем особенностями воспитания детей переселенцев (почитание старших в прежнем месте жительства), а отчасти – совместным переживанием общих трудностей, связанных с переездом.

Помимо указанного расхождения в оценке семьи нами была обнаружена зависимость, характерная как для экспериментальной, так и для контрольной групп: чем ребенок больше удовлетворен материальным положением семьи, тем он выше ее оценивает ($k_{эк} = 0.32$, $k_k = 0.26$; $p < 0.05$). Здесь очевидна значимость экономического фактора при восприятии семьи.

Самооценка детьми переселенцев особенностей взаимодействия с друзьями (шкала “Удовлетворенность отношениями с друзьями”) ничем существенным не отличается от аналогичной оценки сверстников. Оказалось, что при меньшей удовлетворенности положением в классе дети переселенцев в равной степени с детьми коренных жителей удовлетворены дружескими отношениями. Видимо, здесь происходит психологическое разведение отношений со сверстниками вообще и отношений с друзьями, в числе которых могут оказаться и одноклассники.

В контексте сказанного весьма интересной представляется закономерность, выявленная в

ходе анализа взаимосвязи удовлетворенности дружескими отношениями с характером восприятия детьми различных этапов своей жизни. Если дети переселенцев отмечают большую степень удовлетворенности отношениями в том случае, когда прошлое, по их мнению, можно оценить как достаточно благополучный период жизни ($k = 0.17, p < 0.05$), то дети коренных жителей дают аналогичную оценку отношениям при восприятии прошлого как более сложного периода ($k = 0.17, p < 0.05$). Так, наиболее распространенными ответами на незаконченное предложение “Когда я был(а) младше...” среди детей, для которых характерен высокий уровень удовлетворенности товарищескими отношениями, в экспериментальной группе были: мы лучше жили; все было проще; была счастливее; было меньше проблем; мне было лучше; мне всё давалось легче. Среди ответов детей коренных жителей чаще можно было встретить такие, как: я хотел побыстрее вырасти; была слабее; было меньше друзей, была более скованной; была некрасивая; был психом.

Выявленные закономерности, с нашей точки зрения, можно объяснить как минимум двумя причинами. Во-первых, эмоционально насыщенные периоды (как положительными, так и негативными эмоциями) оставляют больший “след” в памяти и опыте ребенка, что отражается на модели построения взаимоотношений с окружающими. Во-вторых, субъективное ощущение благополучия в настоящем вносит коррективы в оценку прошлого: либо предыдущие проблемы воспринимаются как рядовые, либо на фоне контраста им придается более негативный оттенок.

Анализ данных по шкале “Удовлетворенность местом жительства” не выявил статистически значимых различий. Вместе с тем среди детей переселенцев большую удовлетворенность местом жительства отметили те, кто приехал из мест, где проходили боевые действия. Причины подобного отношения очевидны.

При близости уровня удовлетворенности местом жизни в обследуемых группах контрастной выглядит установка на переезд: дети переселенцев более склонны к нему. Средний балл при оценке противоположных утверждений по семибалльной шкале (“Если бы мне представилась возможность: я бы непременно отсюда уехал / я бы все равно никуда не уехал”) у детей переселенцев составляет 2.7 балла, у детей коренных жителей – 3.3 ($p < 0.05$). Данные различия свидетельствуют о том, что дети переселенцев пока не склонны считать настоящее место жительства своим родным домом.

Более углубленный корреляционный анализ стремления к перемене места жительства с други-

ми показателями позволил выявить следующие зависимости: при положительной тенденции в успеваемости, стремлении к саморазвитию и ответственности, а также при неудовлетворенности коммуникативными связями, жилищно-бытовыми условиями чаще проявляется установка на переезд ($k_1 = 0.18, k_2 = 0.15, k_3 = 0.18, k_4 = 0.16; p < 0.05$). Иначе говоря, неудовлетворенность значимыми сферами жизнедеятельности, сочетающаяся с верой в себя, в свои силы, и есть тот источник, который побуждает человека искать альтернативные пути реализации актуальных потребностей.

По шкале “Удовлетворенность проведением досуга” также не было обнаружено статистически значимых различий между контрольной и экспериментальной группами. Однако, как и при углубленном анализе других сфер жизнедеятельности детей, были выявлены интересные зависимости. Так, большую удовлетворенность среди детей как переселенцев, так и коренных жителей отмечают те, чья жизнь наполнена интересными делами ($k_{эк} = 0.21, k_k = 0.34; p < 0.05$). Низкий уровень удовлетворенности выявился у детей, приехавших из Прибалтики ($k = 0.20; p < 0.05$). Снижение уровня удовлетворенности связано с невозможностью организации свободного времени на том уровне, который был до миграции.

Результаты исследования по шкале “Удовлетворенность образом жизни” также не выявили существенных различий между группами детей. Между тем, как и при анализе предыдущей шкалы, здесь проявилась корреляционная связь между удовлетворенностью образом жизни и наполненностью жизни интересными делами ($k_{эк} = 0.25, k_k = 0.38; p < 0.05$). Следовательно, дети, которые увлечены каким-либо делом, позволяющим удовлетворять часть актуальных потребностей (потребность в общении и самореализации, а также познавательная потребность и потребность в чувстве общности), склонны позитивнее оценивать свою жизнь.

Итак, для детей переселенцев характерен более высокий уровень социальной фрустрированности (по сравнению с детьми коренных жителей), они менее удовлетворены уровнем своей жизнедеятельности. У них наиболее выражена неудовлетворенность положением, занимаемым в классе, и жилищно-бытовыми условиями. Соответственно дети переселенцев менее адаптированы в обществе. Готовность к перемене места жительства среди значительной части детей переселенцев также свидетельствует о недостаточном уровне их адаптации в настоящее время.

Нерешенность ряда проблем действительно является препятствием на пути успешной адаптации. Наличие трудностей так или иначе сказыва-

ется не только на сегодняшнем уровне жизни человека, но и на завтрашнем. В этой связи важным и интересным является изучение перспективной адаптации детей переселенцев. Каким они видят свое будущее, о чем мечтают? Каковы их намерения, планы?

Анализ ответов детей переселенцев на вопросы, выявляющие их отношение к будущему, показал, что значительная часть респондентов (104 чел., или 63%) субъективно оценивает его как перспективное и благоприятное. Остальные (61 чел., или 37%) усматривают в будущем какие-либо сложности, барьеры, которые, по их мнению, будут препятствовать социально-психологической адаптации. Вместе с тем ощущение надвигающихся проблем дети переселенцев не абсолютизируют, они не драматизируют будущее и верят в то, что справятся с предстоящими трудностями. Среди детей коренных жителей ответы распределились следующим образом: 117 чел. (70.9 %) определили будущее как позитивное, 44 чел. (26.7%) допустили наличие трудностей и 4 чел. (2.4%) отметили его бесперспективность.

Как видим, несмотря на невысокие показатели удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности, большинство детей переселенцев будущее оценивают как наиболее благоприятное по сравнению с настоящим. Иначе говоря, в будущем дети ожидают значительный перевес “плюсов” по сравнению с “минусами”. Данная тенденция наиболее выражена в тех случаях, когда в настоящем отмечается наличие взаимопонимания среди сверстников ($k = 0.19, p < 0.05$), дети удовлетворены своим положением в классе ($k = 0.18, p < 0.05$) и воспринимают собственную семью как благополучную ($k = 0.17, p < 0.05$). Следовательно, субъективное ощущение понимания и поддержки со стороны как родственников, так и сверстников вселяет уверенность в завтрашнем дне.

В ходе дальнейшего анализа перспективной адаптации мы обнаружили взаимосвязь между данными графического изображения линии жизни и вариантами ответов, даваемых респондентами при парном сравнении следующих утверждений: “Моя жизнь пуста и неинтересна” и “Моя жизнь наполнена интересными делами”. Чем более насыщена жизнь в настоящем, тем перспективнее будущее ($k = 0.24, p < 0.05$). Тенденция к позитивному оцениванию будущего проявляется и в тех случаях, когда дети переселенцев удовлетворены местом настоящего жительства ($k = 0.17, p < 0.05$). Стало быть, перспективная адаптация во многом зависит от того, насколько хорошо организована жизнь детей в настоящем.

Полученные результаты вызывают ряд вопросов, связанных с оптимизацией процесса соци-

ально-психологической адаптации детей переселенцев: что необходимо сделать сегодня, чтобы обеспечить успешность интеграции детей в новый социум? Кто проявит инициативу в организации помощи детям переселенцев? Каковы основные направления работы с данной категорией детей?

Основываясь на теоретических и практических психологических знаниях, нам представляется, что среди приоритетных видов помощи, оказываемых детям переселенцев, должны быть такие, которые направлены на преодоление последствий кризиса идентичности и культурных барьеров, а также на освоение действенных способов психорегуляции и выработку эффективных стратегий поведения. Кроме того, особое внимание необходимо уделять разработке системы мероприятий, направленных на повышение психологической грамотности и коммуникативной компетентности учителей и других специалистов, работающих с детьми-переселенцами; на налаживание благоприятного эмоционально-психологического климата в образовательных учреждениях. Следовательно, эффективная работа по оказанию помощи и поддержки детям переселенцев требует широкой кооперации всех организаций, занимающихся проблемами миграции населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Углубленный анализ проблемы социокультурной и психологической адаптации мигрантов за последние годы показал, что в России на сегодняшний день отсутствует взвешенная и сбалансированная миграционная политика. Несмотря на стремление государственных и общественных организаций изменить сложившуюся ситуацию, в настоящее время не отмечаются значимые позитивные изменения в решении данного вопроса. Более того, с каждым годом доля тех, кому оказываются различные виды социальной и психологической помощи, сокращается. В этой связи важным представляется анализ особенностей протекания процесса социально-психологической адаптации переселенцев и вынужденных мигрантов как в России в целом, так и на территории отдельных регионов Российской Федерации.

Дети переселенцев – составная часть миграционного потока, будущее нашей страны. Они, как и взрослые (их родители), сталкиваются с рядом проблем, препятствующих их интеграции в новый социум. Важнейшими среди них являются: психологические стрессы, связанные с вынужденной сменой места жительства; чувство лишения, возникающее из-за потери привычного образа жизни; трудности вживания в новую для ребенка среду общения; путаница в самоиден-

тификации; адаптация к российской системе образования и др.

В нашем исследовании социально-психологическая адаптация рассматривается как процесс, в ходе которого осуществляется реализация актуальных потребностей личности. Кроме того, обосновывается необходимость изучения перспективной адаптации, т.е. субъективного ощущения возможности реализации актуальных потребностей в будущем. Дополнение наличной адаптации перспективной, с нашей точки зрения, позволяет глубже проанализировать адаптационный процесс, поскольку в этом случае учитывается социальная установка человека, которая, в свою очередь, определяет относительную направленность динамики адаптации.

ВЫВОДЫ

1. Сравнительный анализ общей удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности позволил выявить статистически значимые различия между экспериментальной и контрольной группами: у детей переселенцев по сравнению с их сверстниками из числа коренного населения отмечается более высокий уровень общей неудовлетворенности жизнедеятельностью. Самые большие различия были выявлены по двум показателям – удовлетворенности положением в классе и жилищно-бытовыми условиями. Полученные данные свидетельствуют о сложности социально-психологической адаптации детей российских переселенцев.

2. При общей тенденции к повышению уровня неудовлетворенности у детей переселенцев по одному из показателей – удовлетворенности отношениями с родителями – отмечается иная закономерность: по сравнению с детьми коренных жителей они более высоко оценили семейное благополучие. Данный факт представляется очень важным с точки зрения адаптирующей функции семьи.

3. В обследуемых группах контрастной выглядит и установка на переезд: дети переселенцев чаще отмечают готовность к перемене места жительства. Подобная тенденция также свидетельствует о недостаточном уровне их адаптации в настоящее время.

4. На фоне повышенной социальной фрустрированности многообещающей выглядит перспективная адаптация. Значительная часть детей переселенцев субъективно оценивает будущее как перспективное и благоприятное.

5. Полученные результаты позволяют прийти к выводу о необходимости разработки программы мероприятий, направленных на социально-

психологическую поддержку и помощь детям и подросткам в преодолении отчуждения в новой социальной среде, содействии социально-психологической адаптации в новом социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Л., Мосесов Г., Оганесян М. Дети беженцев: проблема социальной адаптации // Миграция и информация / Под ред. Ж. Зайончковской. 2000. С. 104–121.
2. Вассерман Л.И. Психодиагностическая шкала для уровня социальной фрустрированности // Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1995. № 2. С. 73–79.
3. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002.
4. Зайончковская Ж.А. Миграции населения России: новейшие тенденции // Проблемы расселения: история и современность. М.: Институт географии РАН, 1997. С. 30–37.
5. Кузнецов П.С. Концепция социальной адаптации. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000.
6. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. М.: Институт практической психологии, 1997.
7. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Групповая работа с вынужденными мигрантами: тренинги толерантности, позитивного взаимодействия и социокультурной адаптации // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под. ред. Г.У. Солдатовой. М., 2001. С. 208–224.
8. Тренинг развития жизненных целей / Под ред. Е.Г. Трошихиной. СПб.: Речь, 2001.
9. Хухлаев О.Е. Групповая работа по преодолению страхов у детей вынужденных мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под. ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 246–263.
10. Шарова О.Д. Стратегии поведения детей вынужденных мигрантов в ситуации межкультурного взаимодействия // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под. ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 102–111.
11. Eriksson E. H. Identity, Youth and Crisis. N.Y., 1968.
12. Oberg K. Culture Chock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. V. 7.
13. Triandis H.C. Culture and social behavior. N.Y. etc.: McGraw-Hill, 1994.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION IN CHILDREN OF RUSSIAN MIGRANTS IN RUSSIAN SOCIETY

V. V. Gritsenko*, N. E. Shoustova**

**Dr. sci. (psychology), head of the chair of psychology,
affiliate of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Balashov*

***Cand. sci. (sociology), docent of the same chair*

The main results of the research of adaptation in children of forced migrants and refugees from nearest abroad in Saratov region are presented. The correlation between the levels of satisfaction of the different life spheres, current and perspective adaptation is found. There are analyzed the conditions that advantage children's enter new society. The comparative analysis of social-psychological adaptation in children of natives and Russian migrants is given.

Key words: social-psychological adaptation, perspective adaptation, satisfaction.